

УДК 94(47)08(571.1):325.11

Н.П. Шевченко**К ВОПРОСУ О ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Рассматриваются вопросы, связанные с мерами государства в области переселенческой политики за Урал и в Сибирь во второй половине XIX в.: правовая база, политические и экономические факторы, влиявшие на переселение, социальный состав переселенцев. Особое внимание уделено переселению в Енисейскую губернию, соотношению численности новопоселенцев и старожилов, их взаимоотношениям. Показано влияние переселенцев на формы и методы хозяйствования, а также изменения в государственной политике в условиях нарастания общенационального кризиса.

Ключевые слова: переселение, политика государства, Сибирь.

Вступление России в эпоху капитализма открыло полосу массовых переселений крестьян из европейской части страны в Сибирь, где они находили большие площади свободных, удобных и доступных для разработки земель при отсутствии кабального помещичьего землевладения. По мере ускорения капиталистического развития сельского хозяйства в Европейской России, обострения противоречий между капитализмом и пережитками крепостничества, истощения колониционного фонда земель в Новороссии, Предкавказье и Поволжье возрастала роль Сибири в приеме переселенцев из европейской части страны.

Известное влияние на развитие переселения в Сибирь оказывала политика самодержавия. В 1861 г. правительство встало на путь поощрения заселения Амурской и Приморской областей; в 1865 г. были приняты правила о переселении крестьян на кабинетские земли Алтая. Но это были только частичные мероприятия. Правительство в 60–80-е гг. XIX в. в интересах помещиков сдерживало переселение разными запретительными мерами. Помещики были заинтересованы в том, чтобы крестьянское малоземелье не разряжалось переселением в Сибирь, так как при этом они теряли дешевых батраков и кабальных арендаторов за отработки, издольщину, высокую арендную плату. Однако власти приходилось считаться не только с интересами помещиков, но и с развитием капитализма и обострением отношений между крестьянами и помещиками.

По мере нарастания аграрного перенаселения в центре страны правительство вынуждено было вносить коррективы в переселенческую политику. В 1881 г. были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли», разрешавшие переселение бывшим помещичьим крестьянам. Им предоставлялось право на надел в восемь десятин земли [1. С. 140]. С конца 80-х – начала 90-х гг. XIX в. стали проявляться новые тенденции в колониционной политике. Очередной переселенческий закон от 13 июля 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» значительно расширил возможности потенциальных переселенцев. Освобождение от обязанности брать увольнительные приговоры от общества, уплачивать недоимки, ссуды на продовольствие и семена

для посевов вызвали своего рода переселенческий бум. Действие этого закона было ограничено уже в 1892 г., поэтому многие крестьяне переселялись самовольно. В 1894 г. самовольное переселение достигало 78% [2. С. 35].

Однако официально была признана безвредность самовольного переселения для экономического развития Центральной России из-за высокого прироста там населения (до 1,5 млн в год). Более того, переселение было признано необходимым для окраин в целях «распространения и упрочения русской народности», а потому самовольное движение не должно тормозиться административными преследованиями. По мнению вице-председателя созданного в 1891 г. Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге, основополагающим в колонизационной практике должно стать правительственное воздействие, которое не будет задерживать переселенцев, хотя бы и самовольно покинувших родину, а придаст переселенческому движению правильную организацию [3. С. 213].

Следует отметить, что контроль за переселением правительство осуществляло довольно слабо. Переселенческий поток в Сибирь начали систематически учитывать лишь с 1885 г. С 1861 по 1891 г. в Сибирском регионе осело около 450 тыс. переселенцев, в том числе в Западной Сибири – до 350 тыс. человек, в Восточной Сибири – до 100 тыс. [3. С. 214]. Большинство переселенцев оседало в Западной Сибири, расположенной ближе к европейской части страны. Здесь основным районом водворения был Алтай. Сюда привлекали более благоприятные почвенно-климатические условия.

Самыми заселенными в Енисейской губернии являлись территории Красноярского, Ачинского, Минусинского и Канского округов, как наиболее приемлемые для земледельческих занятий. Доля вольных переселенцев в увеличении населения Енисейской губернии вплоть до второй половины 1890-х гг. оставалась незначительной. Положение стало меняться после проведения Сибирской железной дороги, заметно облегчившей условия переселения. Ежегодный приток переселенцев в губернию вырастает в десять раз. В целом за 1865–1905 гг. в Енисейскую губернию прибыло около 200 тыс. человек – треть ее населения [1. С. 150].

Переселенцы стремились поселиться в старожильческих селениях, так как там легче было найти жильё до постройки собственного дома, выгодно получить землю, найти заработки. По мере продвижения с запада на восток и сокращения плотности населения число переселенцев, водворившихся в старожильческих селениях, возрастало. В Алтайском округе в 1884–1890 гг. они составляли 53% от общего числа водворившихся переселенцев, в Енисейской губернии в 1865–1890 гг. – 85,5% [4. С. 78]. Так, например, в Емельяновском районе Енисейской губернии население пополнялось в основном за счет вольных переселенцев. Распределение поселенцев среди емельяновских деревень в период с 1880 по 1900 г. было постоянным. На первом месте находилась деревня Емельяново, где поселенцы составляли 42,1% всего населения, на втором месте Зелеево – 34,2%, на третьем – село Арейское, где проживал каждый шестой поселенец [5. С. 243]. В старожильческие селения переселенцы принимались по приемным приговорам. При этом площадь надела определялась в

каждом старожильческом обществе отдельно в зависимости от наличия угодий. Так как в районе не было недостатка в свободных и удобных землях, численность новопоселенцев неуклонно росла.

Но обосноваться в старожильческом селении не всегда удавалось в связи с тем, что старожильческое общество назначало высокую сумму за приемный приговор либо отказывало переселенцам в приеме, опасаясь стеснения в пользовании земельными угодьями. К тому же с возрастанием переселенческого потока старожили, опасаясь ущемления своих земельных прав, ограничивали прием переселенцев в сельские общества. Тогда переселенцы селились отдельно, возникали новые поселки, среди них были самовольные деревни, неизвестные начальству. Так, в Енисейской губернии с 1892 по 1905 г. их появилось более трехсот [1. С. 141].

По социальному составу большинство переселенцев относилось к средним слоям. У себя на родине они стояли на грани перехода в группу бедноты, но от продажи своего имущества могли собрать средства на переселение в Сибирь. У бедняка не было на это средств, а зажиточный крестьянин не имел в этом нужды. В Сибирь переселялись крестьяне почти из всех губерний Европейской России, но подавляющее большинство составляли переселенцы из черноземных областей, где крепостнические пережитки были особенно сильны. Выходцы из черноземных губерний составили в 1882 г. 70%, в 1886 – 78%, в 1887–1893 гг. – 80,9% [6. С. 210]. В отношениях новопоселенцев и старожилов было немало проблем. Работа по найму у старожилов и переселенцев, успевших завести свое хозяйство, стала единственным средством для многих при поселении на новом месте. Формы найма были многообразны: срочные работы на день, сезон и год, ссуда под работу деньгами, продовольствием, скотом и т. п. Зачастую новопоселенцы были вынуждены одновременно работать на кабалных условиях у старожилов и вести собственное хозяйство.

С проведением Сибирской железной дороги появилась возможность обратного переселения. Однако это явление не получило широкого распространения, так как отъезд на родину требовал значительных средств. В конечном итоге, большинство переселенцев оставалось в Сибири. К тому же Комитет Сибирской железной дороги выработал новые принципы переселенческого движения. Предоставленный в распоряжение Комитета особый «фонд вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги» обеспечивал главным образом нужды колонизации. Финансовые возможности этого фонда позволили значительно расширить фронт землеотводных и ирригационных работ, наладить постоянный статистический учет, создать более действенные организационные структуры [7. С. 113]. До начала XX в. в переселенческой политике доминировали экономические аспекты. Создавая широкий рынок рабочей силы и увеличивая спрос на сельскохозяйственную продукцию, переселенцы способствовали развитию капиталистических отношений в сибирской деревне, ускоряли процесс расслоения крестьянства. Вновь прибывшие крестьяне содействовали развитию производительных сил сибирской деревни, помогая своим дешевым трудом расширять старожильческое хозяйство и организуя свое на новых площадях ранее не использо-

ванных земель. Они привезли в Сибирь семена новых культур (пшеницу «белотурку» и др.) и свои приемы ведения хозяйства. Многие переселенцы создавали более крепкое хозяйство по сравнению с тем, которое было у них на родине. Но большинство из них все-таки составляло основную массу бедняцких слоев сибирского крестьянства.

В условиях назревавшего общенационального кризиса в переселенческом законодательстве стали преобладать политические акценты. В годы первой русской революции в ходе столыпинской реформы власть стремилась за счет переселения улучшить хозяйственные условия крестьян внутренних губерний и тем самым снизить остроту аграрного вопроса.

Литература

1. *Красноярье: пять веков истории*. Красноярск, 2005. Ч. 1.
2. *Сморodin А.А., Смородин О.К.* Семь верст Сибирского пути. Красноярск, 2000.
3. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.
4. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Тюмень, 2000.
5. *Хонина О.А., Иванова Р.Л.* Красноярский край: Справочник. Красноярск, 1984.
6. *Кауфман А.А.* Переселение. Мечты и действительность. М., 1906.
7. *Шкапский О.* На рубеже переселенческого дела // Вопросы колонизации. 1906. № 1.